

Не нужно и думать, чтобы понять: семья Бай вновь обратила внимание на этот поисковый маячок. Вот только, воспользовавшись им впервые, они обнаружили, что координаты не совпадают. Поистине, они были одновременно потрясены и удивлены, а потому и подослали госпожу Бай вывести обстановку.

Когда Ци Жун узнал об этом, он, разумеется, находился рядом и на месте испытал сильнейшее потрясение.

Он и представить себе не мог, что если бы Бай Цзинь не проявил осторожности и не питал никаких надежд на порядочность клана Бай, то его тайное возвращение, скорее всего, было бы раскрыто. И хотя вредивший его дедушке человек необязательно принадлежал к клану Бай, всё же возникала лишняя угроза разоблачения, и все предпринятые им маскировочные меры могли пойти прахом.

Как же опасно.

Стоило подумать о том, что из-за малого упущения дедушку едва снова не погубили те самые люди, как Ци Жун покрылся холодным потом, а в груди закипела ярость. Но, переводя взгляд на Бай Цзиня, он, само собой, испытывал лишь еще большую нежность, и на сердце у него стало намного спокойнее. Вся та злость и ненависть словно рассеялись, как дымка перед глазами, полностью исчезнув.

Еще не поздно, думал Ци Жун. Дедушка жив, Бай Цзинь рядом, а значит, сколько бы ни возникало других забот и хлопот, разве это имеет хоть какое-то значение?

Он ведь со всем отлично справится, не так ли?

В прошлой жизни он был слишком глуп и недооценивал всю жуткую черноту человеческих сердец. Но теперь у него есть воспоминания еще одной жизни — он знает, на кого можно положиться, а к кому приближаться нельзя, и он просто не верит, что снова наступит на те же грабли. К тому же за спиной стоит дедушка, да и сам он больше не тот одинокий, борющийся в одиночку генерал-майор.

Успокоив душу, Ци Жун внезапно вспомнил, что клан Бай все-таки доводится кровной родней Бай Цзиню, но при столь грязных методах этот ребенок... неужели ему совсем-совсем не больно на душе?

В этот момент Бай Цзинь, прищурившись, уплетал охлажденный арбуз. Когда Ци Жун посмотрел на него, в маленькой пиале оставался уже самый последний кусочек.

Хочешь тоже? — Бай Цзинь сделал вид, будто собирается протянуть ее вперед, но на полпути резко забрал руку назад и с победным видом отправил кусок себе в рот. Хотя он не произнес ни слова, на его лице так и читалось: «Только попробуй отнять, если смельчак!»

Дразняще сверкнув глазами, юноша послушно попрощался с дедушкой и поднялся наверх. Ци Жун, не раздумывая, хотел было последовать за ним, но его вновь окликнули. Вспомнив, как в прошлый раз ему читали наставления, генерал-майор невольно почувствовал, как начинает болеть голова.

В их семье Ци издавна придерживались более консервативных взглядов, и с малых лет его учили никогда не расплываться на пустяки и не играть с чужими чувствами. Но ладно бы только это: возможно, из-за исключительно сильной духовной силы желающих приударить за ним с самого детства было пруд пруди. Опасаясь, что он не устоит перед соблазнами, домашние воспитывали его еще строже.

В поколении его отца правило гласило лишь то, что любые отношения должны преследовать цель заключения брака и категорически запрещалось заводить детей до свадьбы.

В его же случае условие изменилось: до свадьбы ни о какой близости не могло быть и речи.

Но...— Дедушка, я не собирался прямо сейчас... — хотя очень хотелось.

Годы воспитания пустили глубокие корни: даже несмотря на то, что в прошлой жизни они уже один раз поженились, Ци Жун не планировал вот так сразу укладывать Бай Цзиня в постель. Поэтому он подумал, что дед просто слишком много фантазирует. Однако ход мыслей маршала Ци оказался совсем другим: очевидно, на этот раз он остановил внука вовсе не ради сердечных дел.

— Что значит «не собираешься прямо сейчас мстить», разве сейчас подходящее время, ты вообще знаешь, кого искать? — с ходу отчитал его маршал Ци.

Ци Жун: «...» Сказал бы сразу, что речь о деле!

Маршал Ци тяжело вздохнул:

— От семьи Ци остались только мы двое с дедом. Я думал, будет лучше, если ты возьмешь в жены кого-то незаметного, без влиятельной родни. Кто бы мог подумать, что даже при таком раскладе эти люди не хотят дать мне пожить еще несколько лет и норовят воспользоваться случаем, чтобы сожрать семью Ци до последнего кусочка.

— У них не будет такого шанса, — произнес Ци Жун.

Разве в прошлой жизни, когда они погубили деда, им удалось заполучить армию Ци? В конце концов все равно все досталось ему. Вот только заслуги за уничтожение зергов оказались слишком велики, проглотить их целиком он не смог, из-за чего и погиб от их совместных тайных козней. Если бы удавалось и дальше тянуть время, те люди, пожалуй, не посмели бы навредить ему.

В его поколении в Империи было не так уж много толковых военачальников. Сыновья нескольких маршалов — пусть и не сплошные бездарности, — но все же отставали от него на голову.

Поэтому до тех пор, пока не исчез их главный враг — зерги, те люди не решались поднять на него руку.

Сам же Ци Жун думал о другом — о свадьбе с Бай Цзинем. Судя по словам деда, он наверняка давным-давно разглядел, в чем заключался нынешний кризис семьи Ци, и именно поэтому не позволил ему связать себя узами брака с представителями знатных и влиятельных родов. К тому же он ни в кого не влюблялся, и так удачно система подбора пар выдала Бай Цзиня — внешне тот вполне подходил.

Внебрачный сын, обделенный вниманием, но всё же имеющий хоть какую-то связь с влиятельным кланом — семья Бай по крайней мере не станет устраивать им тотальное истребление. Что же касается душевных сил Бай Цзиня, они и вовсе казались совершенно заурядными, а это значило, что духовный потенциал их будущих детей тоже окажется невысок. И подобное положение дел, без сомнения, могло успокоить многих.

Но Бай Цзинь вовсе не был пустышкой — талант этого человека к созданию фармацевтических препаратов вызывал изумление.

Ци Жун замер, внезапно подумав: а что, если бы в прошлой жизни они с Бай Цзинем раньше открыли друг другу сердца, стало бы им двоим легче? Нет, в то время он был всего лишь генерал-майором и только в последний год получил звание маршала, окончательно закрепив за собой контроль над армейским корпусом Ци. До того момента его крылья были явно недостаточно окрепшими. Тогда у него была лишь сила, но не было влияния. Если бы он и Бай Цзинь, будучи парой, где один — фармацевт седьмого уровня, действовали заодно, те люди стали бы опасаться их ещё сильнее и расправились бы с ними куда раньше.

Сердце Ци Жуна ёкнуло. Ему вдруг показалось, что он уловил какую-то правду, которую давно должен был понять, да всё никак не замечал. В то же время он не совсем верил в это: в душе царили смятение и хаос, а под беспокойством и тревогой скрывался сладкий привкус. Неужели всё обстоит именно так, неужели и вправду так?

Из-за страшного беспорядка в мыслях Ци Жун даже не слушал внимательно маршала Ци. А заметив его состояние, маршал понял, что нормального разговора не получится, и попросту выставил внука наверх. Сам же подумал о том, что у его внука слишком уж слабая выносливость к ударам — он ведь ещё ничего толком не сказал, надо будет как следует его потренировать в будущем.

Поглядеть на того же Бай Цзиня — вот это называется сохранять хладнокровие перед лицом опасности, оставаться невозмутимым и спокойным.

Впрочем, неужели он и впрямь выбрал в внучкины «бесполезного» супруга? Маршал Ци почему-то чувствовал, что на этот раз он, кажется, здорово просчитался.

Что же до Ци Жуна, то в его сердце творился полный кавардак. Поднявшись наверх, он надолго

замер перед дверью Бай Цзиня, несколько раз порывался поднять руку и постучать, но так и не решился. Ему хотелось увидеть Бай Цзиня, хотелось спросить, не разглядел ли тот всё с самого начала, хотелось спросить... о чём вообще спрашивать? В этой жизни он переродился, а вот Бай Цзинь — нет, какой ответ тот мог ему дать?

Ци Жун горько усмехнулся, долго простоял спиной к двери, прислонившись к косяку, и лишь немного успокоившись вернулся в свою комнату.

Сейчас у него был свадебный отпуск, так что никаких срочных дел в общем-то не имелось. Однако история с Лань Ин не давала ему покоя. Раньше на это просто не было времени, а теперь как раз настал подходящий момент. Ему не обязательно было заниматься этим лично — достаточно поручить проверку адъютанту. Цин Ии и он — два человека, которым Ци Жун доверял абсолютно.

Вот только Цин Ии в то время была ещё совсем юной девчонкой, только что окончившей военное училище, и не обладала опытом будущих лет, так что поручить это Мо Шаоцину, который неотлучно находился при нём ещё со времён учебы в академии, подходило куда больше.

— Генерал-майор, вы и вправду думаете... — Мо Шаоцин всё ещё не верил, что Лань Ин могла быть подослана кем-то со стороны.

Он проработал с ней два года, и эта женщина управляла тылом безупречно, без малейших ошибок. Да и в повседневном общении с ней было очень легко, она никогда не совала нос туда, куда не следует. Главное — она никогда не подводила их, снабжение всегда работало великолепно.

Если бы не это, с её возрастом и опытом она никогда бы не заняла такую должность.

Однако генерал-майор, который всегда доверял своим людям, вдруг приказал всё проверить, и Мо Шаоцин не мог отнестись к этому спустя рукава. Просто ему безумно хотелось узнать подробности: например, с чего вдруг возникло подозрение против Лань Ин?

Если бы это происходило в его прошлой жизни, Ци Жун тоже не стал бы подозревать такого человека, как Лань Ин. Но сейчас...

— Она слишком идеальна. Сам знаешь, кто отвечал за наш тыл до неё. Разве старик Сюй был плох? Он со всеми умел найти общий язык и вставить словечко, но даже у него поставки провианта порой застревали по бюрократическим причинам.

Услышав это, Мо Шаоцин поневоле тоже усомнился. Заказы военного ведомства проходят через множество инстанций, и даже при поддержке маршала Ци не всё шло гладко. В вопросах снабжения естественно порой возникали небольшие шероховатости, но с тех пор, как делами заправляла Лань Ин, и впрямь больше не случалось никаких сбоев.

Это заставляло их чувствовать себя на редкость спокойно и уверенно, из-за чего они и ценили этого человека превыше всего.

— Я понял, — произнес Мо Шаоцин. — Я буду следить за этим втайне.

Будучи бывшим сокурсником Ци Жуна, он с давних пор находился при нём, и их отношения были несколько ближе, чем у остальных адъютантов, поэтому и разговаривал он гораздо свободнее. Покончив с делами, он не удержался и упомянул о будущей паре генерал-майора:

— А тот Бай Цзинь? Как он?

— Он хорош, — при упоминании Бай Цзиня лицо Ци Жуна немного смягчилось.

Это было не слишком заметно, но Мо Шаоцин, прослуживший с ним много лет, не мог не заметить. Приоткрыв рот, он удивленно вытаращил глаза:

— Да ладно! Неужели он тебе и вправду приглянулся? Впрочем, ладно, раз уж вы решили пожениться, любимый супруг всяко лучше кого-то, к кому ничего не чувствуешь.

В глазах и уголках губ Ци Жуна мелькнула улыбка, в которой читалось некое смирение. Он поправил слова подчиненного:

— Что за жёны да супруги? Лучше сделай так, чтобы он этого не слышал, ему не нравится.

Мо Шаоцин: «.....»

Он вовсе не думал, что Бай Цзиню неприятно быть связанным узами с Ци Жуном — скорее всего, тот просто не желал, чтобы к нему применяли женские обращения.

Ныне в звездную эру однополые браки были полностью легальны, и существовали свои, уникальные наименования для таких союзов: обычно одного супруга называли мужем, а другого — вторым мужем. Но, возможно, чем сильнее уходит в прошлое то или иное явление, тем сильнее люди цепляются за него: последние несколько сотен лет была популярна мода на старину, и многие из тех, кто обладал утонченным вкусом, даже будучи мужчинами, предпочитали зваться жёнами.

— Ого! — Мо Шаоцин невольно усмехнулся. — А этот парень забавный. Ладно, я буду иметь в виду.

Ци Жун добавил:

— Скажи об этом и остальным, пусть зарубят на носу. Мо Шаоцин чуть не уронил челюсть от удивления при виде того, как явно Ци Жун защищает этого парня. Если бы кто-то сказал ему раньше, что наступит день, когда ему доведётся объесться собачьего корма, которым его потчует сам генералиссимус Ци, он бы ни за что не поверил. И впрямь: стоило судьбе свести нужных людей, как даже человек, издавна славившийся своей холодностью, беспристрастностью и абсолютной, казалось бы, врождённой невосприимчивостью к чужой красоте, способен стать нежным и заботливым.

Однако откуда ему было знать, что Ци Жун поступал так исключительно ради их же блага.

Ци Жун слишком хорошо знал характер Бай Цзиня. Даже если в прошлой жизни он до конца не раскусил этого человека, он насмотрелся на него с избытком: те, кто осмеливался называть его своей супругой, в большинстве своем получали публичную пощёчину прямо на месте.

Опираясь на свой выдающийся талант в фармацевтике, этот человек следующие несколько лет прожил дерзко и своенравно, так что никто не смел его трогать. Вот только поначалу... Ци Жун обнаружил, что в самом начале он почти не обращал внимания на Бай Цзиня и понятия не имел, как тот сумел закрепиться в обществе в статусе никчемного отброса. Всё, что он помнил, — это старые истории, раскопанные сетевыми знаменитостями. Похоже, жизнь Бай Цзиня

была невероятно тяжёлой.

Завершив вызов, Ци Жун прижал руку к груди и почувствовал там тупую боль, такую сильную, будто его наотмашь полоснули ножом.

Что же он натворил в те годы?

После всего выпавшего на его долю, почему Бай Цзинь простил его и полюбил столь глубоко? Пусть даже он трезво оценивал обстановку и не стал портить с ним отношения окончательно, но как же обиды? Стоило только представить, что этот гордый и дерзкий человек некогда жил так униженно, и всё из-за него самого, как Ци Жун начинал испытывать невыносимую муку.

Но то, что уже случилось, он исправить не мог, а потому оставалось лишь в этой жизни относиться к Бай Цзиню лучше и вымести с его пути все преграды.

Вплоть до самого засыпания Ци Жун размышлял о том, как устроить свадьбу в этой жизни, как выказать свою любовь и защиту по отношению к Бай Цзиню, чтобы окружающие больше не смели докучать ему, как в прошлом воплощении. Проворочавшись пол ночи и наконец почти погрузившись в сон, он вновь был разбужен шаркающими шагами.

Стоило ему открыть глаза и прислониться к изголовью кровати, как дверь отворилась, и в комнату вимехом влетел человек в пижаме и тапочках. Целеустремлённо и без малейших колебаний Бай Цзинь бросился прямо к постели, откинул одеяло, нырнул внутрь и укутался с головой, оставив снаружи лишь половину лица.

— ... — Ци Жун: — Ты это так выражаешь своё расположение... что это?

Поймав брошенный им светомозг, Ци Жун с первого же взгляда заметил входящий вызов с пометкой «братец Юнь Шу». Он уже собирался сбросить его, не раздумывая, но в критический момент сообразил, что Бай Цзинь швырнул устройство явно не для того, чтобы он просто отклонил звонок. Тогда он принял вызов, но лицо его оставалось мрачным, и он без предисловий бросил:

— Он спит.

После чего с щелчком сбросил вызов, наотрез лишая Шэнь Юнь Шу какой-либо возможности открыть рот.

Нынче все коммуникаторы поддерживали видеосвязь, так что Шэнь Юнь Шу во всех подробностях разглядел только что разыгравшуюся сцену, отчего не на шутку разъярился. В такое время — час ночи — оба они находились в постели, причём один из них выглядел уставшим и уже уснул. Шэнь Юнь Шу ведь не трёхлетний ребёнок, как ему было не догадаться, что здесь произошло?

Но поразмыслив, он решил, что, возможно, они просто спали. На открытых участках пижамы Ци Жуна не было заметно никаких следов.

Ха!

С кротким характером Бай Цзиня, если его принудили, он наверняка не посмел бы сопротивляться. Того и гляди, лежал там, хлопая влажными глазами, и позволял творить с собой всё, что вздумается, пока от изнеможения не терял сознание.

В груди Шэнь Юнь Шу kloкотал яростный огонь: черт побери, он ведь сам ещё даже не притрагивался к нему!

Человеку свойственно предаваться бурной фантазии, и чем сильнее он домисливал, тем отчётливее становилась картинка. В конце концов он вообразил, будто кроткий нрав Бай Цзиня приведёт к тому, что после жестоких издевательств тот сможет лишь беззвучно плакать. От одного этого зрелища, пожалуй, захотелось бы затискать его ещё сильнее... Естественно, Шэнь Юнь Шу не сомкнул глаз до самого утра, снедаемый жгучей злостью и негодованием.

Другой мужчина в комнате тоже чувствовал себя несколько раздражённо:

— Братец Юнь Шу? М-м?

Бай Цзинь сделал вид, что ничего не слышит, ещё глубже забился под одеяло и закрыл глаза с видом человека, который уже видит десятый сон.

По правде говоря, в этом происхождении не было его вины: если бы он сам записывал контакты, то наверняка занёс бы его под именами вроде «Шэнь-подонок» или «Пушечное мясо № 1». Вот только современные технологии были слишком развиты, и данные в памяти светомозга не стирались. Разумеется, телефонная книга тоже сохранилась, а поскольку Бай Цзинь, получив гаджет, даже не заглядывал в неё, то, вполне естественно, ничего и не переименовал.

Видя, что тот прикидывается мёртвым, Ци Жун ничего не мог поделать. Ему пришлось самому попытаться изменить имя на Шэнь Юнь Шу, но затем, убоявшись собственного несогласия с этим, он попросту отправил контакт в чёрный список.

— В чёрном списке, — произнёс он.

С характером молодого генерала Ци было не в его правилах вмешиваться в чужие социальные связи силой и вопреки воле партнера. Однако этот Шэнь Юнь Шу ранее подговаривал Бай Цзиня убить его, что было поистине отвратительно. Ци Жун стерпеть этого не мог, но поскольку в грязных делах он был новичком, то не удержался и открыто отчитался перед Бай Цзинем.

Покончив с этим, он не стал рыться в чужом светомозге, а сразу протянул его владельцу.

Заметив, что тот не спешит брать устройство, Ци Жун решил, что парень боится старых счетов. С мягким вздохом он произнёс:

— Ладно, забудь, возвращайся к себе!

Бай Цзинь же, словно не слыша ни слова, повернулся на другой бок и продолжил спать. Ци Жун, бессильный что-либо изменить, положил гаджет на прикроватную тумбочку. Видя, что тот вовсе не собирается уходить, и не имея духу выставить его силой, он просто лёг рядом и тоже закрыл глаза.

Стоило закрыть глаза и погрузиться во тьму, как ощущения стали ещё острее, а ровное дыхание раздавалось совсем близко, у самого уха...

Было бы преувеличением сказать, что они впервые ложатся в одну постель — в глубине души он прожил столько лет, что трудно было сосчитать, сколько раз они делали всё, что положено, и всё, чего делать не следовало. И всё же сейчас его нынешнее тело казалось слишком молодым и полным сил, а может, дело было в осознании собственных чувств — так или иначе, он поймал себя на том, что мысли его бродят где-то не там.

Пока дыхание лежащего рядом человека не стало ровным и глубоким, выдавая погружение в сон, Ци Жун всё же не удержался: притянул его к себе и заключил в объятия.

На душе воцарилось полное умиротворение, сон был крепок и спокоен.

Вот только спал Бай Цзинь беспокойно: всю ночь он ворочался и тёрся о него, так что следующее утро выдалось неловким. Ци Жун лежал неподвижно, мысленно читая мантру очищения сердца и стараясь не смотреть на Бай Цзиня. Он был безмерно рад, что сегодня этот человек проявил редкое благоразумие и не стал его дразнить, иначе усмирить разыгравшееся пламя было бы куда труднее.

Едва только парень сунул ноги в тапочки, собираясь уйти к себе в комнату, как бросил через плечо:

— Чего прикрываешься? Мужчина должен быть бодрым, это признак здоровья.

И с хлопком закрыл за собой дверь.

Ци Жун: «...» Ну погоди, попадись мне только.

Но Бай Цзинь не был глупцом: нынешнее тело всё ещё оставалось слишком слабым, разве мог он тягаться с Ци Жуном? Оставить последнее слово и не сбежать было бы верхом глупости, тем более что внизу его уже ждал завтрак. Вернувшись в свою комнату и переодевшись, он в отличном настроении спустился вниз и, вполне ожидаемо, столкнулся с помрачневшим молодым генералом.

Поколебавшись секунду, дух белого кактуса молча обошёл привычное место и устроился на другом конце стола.

Лучше держаться подальше от источника возгорания!

Он ведь искренне хотел проявить «милосердие» и перестать его дразнить, но кто же знал, что Ци Жун этому вовсе не обрадуется. Генерал указал на место рядом с собой:

— Садись здесь.

Заметив, что Бай Цзинь не спешит подчиняться, он потчевал переносицу и повторил:

— Иди сюда, клянусь, я тебя пальцем не трону.

Словам Ци Жуна Бай Цзинь всё же верил, а потому с лёгким сердцем пересел к нему.

После всего пережитого он всё отчётливее понимал, что снисходительность Ци Жуна к нему граничила с непостижимым баловством. Бедняга молодой генерал даже не подозревал, что существуют люди, которых нельзя развращать вседозволенностью: уступишь им вершок, а они заберут аршин. Впрочем, даже узнай он об этом, Ци Жун, пожалуй, всё равно поступал бы точно так же, ибо во всём, что не касалось службы, он придерживался простых правил: хорошее есть хорошее, а плохое — есть плохое.

Раз уж в этой жизни он твёрдо решил относиться к Бай Цзиню со всей душой, то, разумеется, будет потакать ему во всём и уж точно не станет ломать чужой характер с помощью кнута и пряника.

По мнению Ци Жуна, Бай Цзинь был хорош во всех отношениях, и даже если его самого вечно испытывали на прочность, он вовсе не желал загонять партнера в какие-то рамки.

Маршал Ци со счастливой улыбкой наблюдал за этой сценой. И пусть характер Бай Цзиня сильно отличался от наведённых в справках сведений, какое это имело значение? Главное, что внук был доволен. К тому же их семейство было небольшим, а вот положение — крайне запутанным, так что излишняя сообразительность парня ценилась куда выше наивности, позволяющей другим плести интриги.

Все трое членов семьи Ци остались крайне довольны, а вот остальные — напротив.

Шэнь Юнь Шу кипел от негодования, не успев ещё толком остыть, как его тут же вызвал собственный отец. За своевольное решение разобраться с Ци Жуном он уже схлопотал порцию нагоняя. Теперь же, когда Ци Жун остался невредим, они страшились лишь одного — что правда вскрыется и навлечёт на них гнев высшего руководства, поэтому отец и послал его выведать обстановку.

Однако сейчас Шэнь Юнь Шу принёс обратно лишь полные пригоршни желчи.

Впрочем, перед лицом собственного отца он не смел проявлять гнев и мог лишь процедить:

— По моим наблюдениям, эти двое уже делят одно ложе. Видимо, Бай Цзинь не посмел пойти наперекор, иначе с нравом Ци Жуна он бы его по меньшей мере разорвал в клочья, разве стал бы он продолжать отношения с ним?

Глава семьи Шэнь кивнул:

— И славно, что до драки не дошло. Возвращайся и успокой Бай Цзиня, чтобы он держал язык за зубами. Запомни на будущее: никаких опрометчивых шагов, время расправиться с Ци Жуном ещё не пришло.

— Понял, — сквозь зубы выдавил Шэнь Юнь Шу, затаив обиду. Даже маршал Ци был у них на мушке, так почему же нельзя тронуть Ци Жуна?

Но озвучить это вслух он не осмелился. Лишь глядя, как отец приоткрыл рот, он не смог сдержать горького вздоха:

— Обладай ты такими же способностями, как Ци Жун, расправа над ним не составила бы труда, но сейчас — увы, руки связаны.

Лицо Шэнь Юнь Шу вмиг исказилось от отвращения, а руки сжались в кулаки до побелевших костяшек.

Он был ровесник Ци Жуна, и с самого детства их постоянно ставили друг другу в пример. Ци Жун обладал двойной S-категорией, а он — лишь одиночной. И ладно бы только это: тот вечно опережал его в учёбе, а в Военной академии и вовсе подавлял на каждом шагу. Теперь же соперник заблаговременно получил звание молодого генерала, в то время как сам он не добился ровным счётом ничего.

Единственным его преимуществом оставалось лишь то, что Бай Цзинь, которому предстояло вступить в брак с Ци Жуном, любил именно его, но теперь...

«Ци Жун», — с ненавистью подумал Шэнь Юнь Шу, скрипя зубами. — «Рано или поздно. Настанет день, когда этот день придёт».

<http://bllate.org/book/21268/2155103>